

И. А. Тарасова
*Саратовский национальный исследовательский
государственный университет имени Н.Г. Чернышевского
(Россия, Саратов)
tarasovaia@mail.ru*

ЭСТЕТИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ НЕОЛОГИЗМОВ В ПОЭЗИИ ГЕОРГИЯ ИВАНОВА

В статье охарактеризованы основные словообразовательные модели создания неологизмов, определена их эстетическая функция в текстах Г. Иванова. Своеобразие неологии Г. Иванова заключается не в нарушении норм словообразования, а в необычном лексико-семантическом наполнении регулярных словообразовательных моделей. Большинство неолексем Г. Иванова является потенциальными словами, т. е. новообразованиями, созданными в соответствии с языковыми словообразовательными моделями. Основным способом создания нового слова у Г. Иванова является сложение в нескольких его разновидностях. Именно сложное слово позволяет конденсировать поэтический смысл.

Количество продуктивных моделей образования новых слов у Г. Иванова невелико. Оно возрастает от раннего к позднему периоду творчества. В раннем творчестве неологизмы Г. Иванова — дань поэтической моде Серебряного века. В основном это сложные цветковые прилагательные. В эмигрантской поэзии неолексемы тесно связаны с основными категориями мироощущения поэта и чертами его идиостиля. Раз найденная модель используется поэтом неоднократно, приобретая идиостилевое словообразовательное значение, например, значение пограничности у существительных, образованных с помощью префиксоида «полу», значение мнимой антиномичности у сложных существительных, образованных без соединительный гласной.

Ключевые слова: неологизм, словообразовательная модель, композит, Георгий Иванов, эстетическая функция.

Идиостиль Г. Иванова не отличается ярким словотворчеством. Своеобразие неологии Г. Иванова определяется не нарушением норм словообразования, а необычным лексико-семантическим наполнением регулярных моделей. Большинство неолексем Г. Иванова является потенциальными словами, т. е. новообразованиями,

созданными в соответствии с языковыми моделями. Несколько окказиональных случаев словопроизводства отмечается в поэзии 1950-х годов, в последние годы жизни.

Технология отбора неологизмов для нашего исследования состояла в следующем.

На первом этапе из стихотворных текстов Г. Иванова методом сплошной выборки было выделено более 60 лексем, которые, во-первых, интуитивно ощущались как новые, во-вторых, отсутствовали в общезыковых словарях.

На втором этапе все эти лексемы проверялись по Национальному корпусу русского языка, поэтическому подкорпусу (<http://www.ruscorpora.ru/>).

Но даже после этого «просеивания» через систему НКРЯ к неологическому словарю Г. Иванова могут быть отнесено около 50 лексем. Общие выводы о предпочитаемых поэтом словообразовательных моделях остаются неизменными.

Проведенный нами анализ словоупотребления Г. Иванова показал, что на протяжении всех периодов творчества ведущим способом словопроизводства для поэта является сложение в его трех разновидностях.

На первом месте по частотности — продуктивная модель образования сложных прилагательных с соединительной гласной -о-. Всего по этой модели образовано около 30 прилагательных. В этом типе выделяется две семантические группы, обладающие различными художественными функциями и демонстрирующие различное распределение по периодам творчества.

Группа сложных прилагательных цвета играет в раннем творчестве Г. Иванова, отличающемся живописной доминантой, *изобразительную роль*. Цветовые сложные эпитеты передают различные оттенки зрительного восприятия любимых объектов поэтического мира раннего Г. Иванова (луны, заката, Невы). В основном, это цветовые оттенки красно-желтой гаммы: *янтарно-розовый, янтарно-золотой, янтарно-желтый, рдяно-золотой, оранжево-медный, розово-серый, лилово-розовый* и др.

В позднем творчестве количество сложных цветовых обозначений резко снижается, одновременно изменяется их цветовая гамма. Цветовые созвучия организуются вокруг синего и черного цветов, обладающих в идиостиле Г. Иванова *символическим смыслом*. Синий и черный для поэта — это цвета смерти и вечности [Тарасова 2008]. Аналогичная семантика сохраняется в сложных прилагательных с этими компонентами: *черно-рыжая (страница), сине-звездный (воздух)*. Символическая интерпретация каждой из этих неолексем поддерживается как макроконтекстом стихотворения, так и ее интра- и интертекстуальными связями.

Так, стихотворению «Может быть, умру я в Ницце...» предпослан эпитафия из И. Анненского: «...Мне всегда открывается та же Залитая чернилом страница...». Г. Иванов подхватывает индивидуально-авторскую символику Анненского (смерть — залитая чернилом страница книги жизни) и парадоксально обыгрывает ее цветовую коннотацию: *Для чего же о странице Неизбежной, черно-рыжей Постоянно думать мне!* [Иванов 1994: 442]. Если некрологическая семантика черного цвета, как бы восстановленного Г. Ивановым из описательного определения

Анненского (залитая чернилом, т. е. черная), представляется очевидной, то рыжий оттенок в рамках микроконтекста стихотворения мотивирован разве что фонетически (*в Париже — неизбежной — черно-рыжей*). Здесь, на наш взгляд, возможно говорить о проявлении эстетической функции поэтического слова в понимании Б. А. Ларина: слово с таким значением «неожиданно по поводу данной реалии», «не примыкает к ближайшим словам по смыслу, а служит намеком включенных мыслей, эмоций, волений» [Ларин 1974: 31].

Цветовая лексема «синий» входит в обратимые сложные эпитеты *звездно-синий* и *сине-звездный*, к которым примыкают эпитеты с опорным компонентом «лазурный»: *лазурно-золотая* (волна), *лазурно-кружевная* (Ницца). Синий, лазурный — цветовые прототипы моря и неба. Однако если *лазурный* в контекстах Г. Иванова сохраняет свою высокую, «незамутненную» поэтическую коннотацию, то семантика синего переосмысливается Г. Ивановым радикально: синий — многозначный символ вечности, смерти и — одновременно — символ России, метафорический, метонимический и иконический (звукоизобразительный). Эта цветовая символика сформировалась только в позднем творчестве Г. Иванова, поэтому эпитет *торжественно-синий*, употребленный в однородном ряду с определением «русский» (вечер) в малоизвестном стихотворении 1917 года «Весна», трудно расценивать иначе, чем идиостилевое пророчество.

Прилагательные «банально-красный» и «торжественно-синий» занимают промежуточное положение между цветовыми эпитетами и второй семантической группой, которая объединяет *композиции с эмоциональной интерпретацией признака*. Количество этих прилагательных несколько увеличивается от раннего к позднему периоду творчества, что связано с усилением субъективности стихотворных текстов Г. Иванова вообще. В раннем творчестве к этой группе могут быть отнесены прилагательные *грустно-знакомый* (*шорох волн*), *сладостно-нечеткий* (*образ*), *смирненно-величаявая* (*молитва*), *торжественно-манерная* (*музыка*). В текстах эмигрантского периода эта группа пополняется прилагательными *торжественно-бесчеловечный*, *бессмысленно-сладкий* (2 раза), *бессмысленно-злой*, *вкрадчиво-печальный*, *отвратительно-смешны*, *странно-порочен*. К этой смысловой группе примыкают два сложных наречия на -о: *блаженно-беспечно* и *тревожно-прохладно*.

По окказиональной модели, объединяющей три компонента, образованы два прилагательных: *влажно-сиренево-солнечный* (день) и *кофе-чай-сахарный* (паёк). Первое призвано передать нерасчлененное импрессионистическое впечатление, второе участвует в создании трагико-иронического модуля высказывания.

На втором месте по частотности (11 единиц) — модель образования сложных слов с префиксоидом полу-. В текстах Г. Иванова отмечены и узуальные лексемы этого типа (например, *полутона*, *полусонный*). Три лексемы — *полу-весна*, *полу-жизнь* и *полу-мечта* — зафиксированы в НКРЯ, причем последняя — у Г. Адамовича, что повышает вероятность полуосознанного повтора.

Особенностью стилового почерка Г. Иванова является «серийное» употребление слов этой модели, что подчеркивает словообразовательную рефлексию поэта

над этим типом. Указанные производные следуют в тексте стихотворения парами либо тройками: *Образ полустворенный, Шепот недоговоренный, Полужизнь, полуусталость* — *Это все, что мне осталось* [Иванов 1994: 330].

Интересно, что в случае попарного объединения одно из потенциальных слов оказывается отмеченным в поэтическом дискурсе, а второе является авторским неологизмом: *полу-мечта, полу-хвала; полу-весна, полу-зима*.

Неологизмы этой модели отмечаются только в стихотворениях последнего периода творчества (конец 1940-х — 1950-е гг.). Словообразовательное значение этого типа «наполовину то, что названо производящей основой» эстетически переосмысливается поэтом: его «полу» становится знаком «пограничной ситуации», существования на границе жизни и смерти.

Игровая интерпретация префиксоида наблюдается в миниатюре 1953 года: *Полу-жалость. Полу-отвращенье. Полу-память. Полу-ощущенье, Полу-неизвестно что, Полы моего пальто...* Концовка стихотворения позволяет трактовать паронимическое соположение ключевых компонентов (морфемы и полнозначного слова) как проявление мировой иронии (не исключая, конечно, и самоиронию): *Полы моего пальто? Так вот в чем дело! Чуть меня машина не задела И умчалась вдаль, забрызгав грязью. Начал вытирать, запачкал руки... Все еще мне не привыкнуть к скуке, Скуке мирового безобразья!* [Иванов 1994: 384].

В позднем творчестве Г. Иванова используется оригинальная разновидность модели образования сложного слова без соединительной гласной (сложносоставной способ). Особенно интересны новообразования, имитирующие так называемые двандва (фольклорные синонимы) [Никитина 1993], образцом для создания которых может считаться встречающаяся в текстах Г. Иванова узуальная лексема *море-океан*. Специфика авторской интерпретации двандва состоит в том, что между компонентами модели обнаруживаются не только отношения контекстуальной синонимии (*палочка-стукалочка*), но и языковой антонимии, другими словами, их семантика близка к оксюмору: *закат-рассвет, расцвет-увяданье, встреча-прощанье, встаем-ложимся* и др. Эти неологизмы передают текстовый смысл незначимости дифференциальных признаков повторяющихся явлений и событий и эксплицируют такие определяющие для идиостиля Г. Иванова категории, как квазиантинимичность и амбивалентность: *В лучах расцвета-увяданья, В узоре пены и плюща Сияет вечное страданье, Крылами чаек трепеща* [Иванов 1994: 433].

Экзистенциальная тематика эмигрантского периода находит свое словообразовательное воплощение в морфологических гибридах — субстантивах, совмещающих качества прилагательных и существительных. Они входят в смысловое поле вечности и неоднократно используются для описания ее вещных проявлений: *И вижу огромное, страшное, нежное, Насквозь ледяное, навек безнадежное... И вижу, — вне времени и расстояния, — Над бедной землей неземное сияние* [Иванов 1994: 262]. В принципе, эти лексемы тоже можно назвать композитами. Адъективные формы *огромное, страшное, нежное* первоначально опознаются как речевые субстантивы, воплощающие концепт 'вечность'. Однако в следующей

строке аналогичные имена «восстанавливают» свою адъективную природу в силу их сопровождения уточняющими наречиями: *насквозь ледяное, навек безнадежное*. Концовка стихотворения позволяет интерпретировать все эти формы как атрибуты «неземного сияния».

В стихотворении 1943 года «*Стоят сады в сияньи белоснежном...*» пограничная морфологическая природа лексем *страшное* и *нежное* актуализируется за счет рифмовки форм превосходной степени прилагательного (— *Поговорим с тобой о самом важном, О самом страшном и о самом нежном*) с субстантивом *неизбежное*, функционирование которого как существительного широко распространено в поэтической традиции начиная с В. Жуковского (*Неизбежное придет И грозящее сразит*). Таким образом, композиционная семантика присуща не только сложным словам, но и — в ином смысле — другим компонентам неологического словаря Г. Иванова, а также его поэтическому миру в целом [Тарасова 2002].

В стихотворениях последнего периода творчества отмечается несколько окказионализмов.

Эстетическое воздействие отглагольного диминутива — *Размахайчик* — построено на контрасте невинного, даже легкомысленного значения словообразовательной модели с уменьшительно-ласкательным суффиксом и ее трагической контекстуальной интерпретации: *Вот начертил на блокнотном листке Я Размахайчика в чёрном венке, Лапки и хвостика тонкая нить... «В смерти моей никого не винить...»* [Иванов 1994: 562].

Если оним *Размахайчик* — авторский окказионализм (номинация этого фантастического зверька встречается еще в «Распаде атома»), то слово *оробелочка* произведено по окказиональной модели «скорнения», или контаминации [Николина 1996]. В гибриде *оробелочка* накладываются друг на друга часть глагольной формы *оробеть* и целое слово *белочка*, образующее с окказионализмом рифменную пару: *Вот елочка. А вот и белочка Из-за сугроба вылезает, Глядит, немного оробелочка, И ничего не понимает...* [Иванов 1994: 584]. Обычно контаминация рассматривается как средство языковой игры [Николина 1996: 312], однако трагический подтекст «Посмертного дневника» заставляет усмотреть в этой форме скорее средство текстовой компрессии, пересечения двух планов: парадоксального образного (*елочка, белочка, лоси остророгие и прочие четвероногие*) и субъективно-авторского: *...А белочка ушла куда-то Ушла куда глаза глядят, Куда Макар гонял телят, Откуда нет пути назад, Откуда нет возврата* [Иванов 1994: 584].

Итак, проведенное исследование неологического словаря Г. Иванова позволяет сделать следующие выводы.

- Неолексема Г. Иванова — это, как правило, слово а) потенциальное; б) сложное. Именно сложное слово позволяет конденсировать поэтический смысл.

- Количество неологизмов и продуктивных словообразовательных моделей возрастает от раннего к позднему периоду творчества. Если в раннем творчестве неологизмы, скорее, дань поэтической моде Серебряного века, то в эмигрантской поэзии они тесно связаны с основными категориями мироощущения поэта и чертами его идиостиля.

- Количество продуктивных моделей образования новых слов у Г. Иванова невелико. Раз найденная модель используется поэтом неоднократно, приобретая идиостилевое словообразовательное значение.

- В позднем творчестве зафиксировано несколько окказионализмов (*влажно-сиренево-солнечный, кофе-чай-сахарный, Размахайчик, оробелочка*), демонстрирующих «семантику личностного отношения к языку и свободы от его власти» [Ревзина 1996: 306].

- Обращение к материалам НКРЯ позволяет на новом уровне рассмотреть вопрос о соотношении индивидуального словотворчества и поэтической нормы.

Литература

Иванов Г. В. Собрание соч. В 3 т. Т. 1. Стихотворения. М.: Согласие, 1994. 656 с.

Ларин Б. А. Эстетика слова и язык писателя. Л.: Художественная литература, 1974. 285 с.

Никитина С. Е. Устная народная культура и языковое сознание. М.: Наука, 1993. 187 с.

Николина Н. А. «Скорнение» в современной речи // Язык как творчество. Сборник статей к 70-летию В. П. Григорьева. М.: ИРЯ РАН, 1996. С. 309–318.

Ревзина О. Г. Поэтика окказионального слова // Язык как творчество. Сборник статей к 70-летию В. П. Григорьева. М.: ИРЯ РАН, 1996. С. 303–308.

Тарасова И. А. Словарь ключевых слов поэзии Георгия Иванова. Саратов: ИЦ Наука, 2008. 208 с.

Тарасова И. А. Феномен бленда в поэтическом мире Г. Иванова // Композиционная семантика. В 2 ч. Ч. 1. Тамбов: Изд-во ТГУ, 2002. С. 175–177.

I. A. Tarasova

Saratov State University

(Saratov, Russia)

tarasovaia@mail.ru

AESTHETIC FUNCTION OF NEOLOGISMS IN GEORGY IVANOV'S POETRY

The article describes the basic word-building patterns for creating neologisms in G. Ivanov's texts, and their aesthetic function is defined. The author believes that the peculiarity of Ivanov's neologisms is determined not by breaking the rules of word-formation, but rather by the unusual lexical-semantic scope of regular word-building patterns. Most of G. Ivanov's neologisms are potential words being created in accordance with linguistic word-building models. The main way of creating a new word for G. Ivanov is composition in several of its varieties. It is a composite word that allows him to condense the poetic sense.

The number of productive models for the formation of new words in G. Ivanov's poetry is small, but it increases from the early to the late period of his creative work. In his early works the neologism is a tribute to the poetic trend of the Silver Age. Basically, they are complex color adjectives. In the emigre poetry neo-lexemes are closely related to the main categories of the poet's worldview and features of his idiosyncrasy. Once the model is found it is used by the poet repeatedly, taking on the idiosyncrasy word-formative meaning, e. g. the meaning of the borderline for nouns formed with the help of the prefixoid *polu-* and the meaning of imaginary antinomy in complex nouns, formed without a connecting vowel.

Key words: neologism, word-formation model, composite, aesthetic function, Georgy Ivanov.

References

Ivanov G. V. *Sobranie soch. V 3 t. T. 1. Stikhotvoreniya*. [Collected works in 3 volumes. Volume 1. Poems]. Moscow, Soglasie Publ., 1994. 656 p.

Larin B. A. *Estetika slova i yazyk pisatelya* [Aesthetics of the word and language of the writer]. Leningrad, Khudozhestvennaya Literatura Publ., 1974. 285 p.

Nikitina S. E. *Ustnaya narodnaya kul'tura i yazykovoe soznanie* [Oral folk culture and linguistic consciousness]. Moscow, Nauka Publ., 1993. 187 p.

Nikolina N. A. [«Skornenie» in modern speech]. *Yazyk kak tvorchestvo. Sbornik statei k 70-letiyu V. P. Grigor'eva*. [Language as creativity. To the 70th anniversary of V. P. Grigor'ev]. Moscow, Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences Publ., 1996, pp. 309–318. (In Russ.).

Revzina O. G. [Poetics of occasional words]. *Yazyk kak tvorchestvo. Sbornik statei k 70-letiyu V. P. Grigor'eva*. [Language as creativity. To the 70th anniversary of V. P. Grigor'ev]. Moscow, Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences Publ., 1996, pp. 303–308. (In Russ.).

Tarasova I. A. *Slovar' klyuchevykh slov poezii Georgiya Ivanova* [Dictionary of key words of poetry by Georgy Ivanov]. Saratov, Nauka Publ., 2008. 208 p.

Tarasova I. A. [The phenomenon of the blend in the poetic world of Georgy Ivanov]. *Kompozitsionnaya semantika. V 2 ch. Ch. 1*. [Compositional semantics. In 2 parts. Part 1]. Tambov, Tambov State Univ. Publ., 2002, pp. 175–177. (In Russ.)